

Горьковская крауда
г. Горький

31 ДЕК 1987

4

ДВА ВЕЧЕРА С ДУНАЕВСКИМ,

или Предновогоднее воспоминание

ОДНАЖДЫ случай свел меня с композитором Дунаевским. Встреча в сущности была быстрой, отдельные ее частности уже и не вспомнить, но главное не меркнет. Исаак Осипович запечатлелся очень внимательным и общительным собеседником. Он охотно отвечал на вопросы, шутил, искренне радовался успеху, с каким начались тогда его гастроли в городе Горьком.

Дело было в канун 1951 года. Премьера выступлений прославленного мастера на древней нижегородской земле состоялась в областном театре драмы. Послушать его музыку и песни, казалось, собрался весь город.

В то время я работал в армейской газете и по заданию редакции прибыл в Горький для организации новогоднего поздравления советским воинам от автозаводцев. И тут нежданно-негаданно подвернулась возможность занять еще одно поздравление. Да от кого! От Дунаевского!

Зрительный зал, помню, был заполнен до предела — в проходах, у стен, всюду, где только позволяло место, стояли приставные стулья. Собравшиеся с нетерпением ждали начала концерта. И вот занавес пошел. Вспыхнувшие юпитеры высветили расположившийся на сцене симфонический оркестр. Зал оглушительно ударил в ладоши — перед оркестром появился Дунаевский. Энергичный. Подтянутый. В глазах молодецкий блеск. Поднявшись на дирижерский подмосток, одернул фрак, постучал по пюпитру палочкой.

Оркестр замер. Миг, и брызнул каскад серебряной звени — оркестр

заиграл выходной марш из кинофильма «Цирк». Бурный поток музыкальной красоты захлестнул притихший зал.

После каждого номера зал неистово аплодировал. Раздавались одобрительные возгласы. Дунаевский кланялся, поднимал оркестр, благодарил солистов, снова и снова занимал место за дирижерским пультом.

По окончании первого отделения я поспешил в артистическую комнату, где Исаак Осипович расположился к отдыху. Он находился не один — возле гримерного столика сидел устроитель концерта. Успешный снят фрак и повесить его на спинку стула, Дунаевский рассказывал по комнате, расслабленно потряхивая кистями рук.

— Прекрасно! Все идет прекрасно, Исаак Осипыч! — сиял администратор. — Публика, скажу я вам, в неописуемом восторге.

Дверь в артистическую была открыта и я, шагнув в ее проем, попросил разрешения войти. Увидев непрощенного гостя, Дунаевский остановился, спросил:

— Вы ко мне?
— К вам, Исаак Осипыч. К вам, — поспешил вмешаться администратор, снабдивший меня служебной контрамаркой. В двух словах он объяснил композитору цель моего появления. — Так что, Исаак Осипыч, окажите внимание товарищу. Ради солдат старается...
— Ох уж эти мне газетчики, — поморщился композитор. — Нигде от них не скроешься. Ну да ладно. Надо так надо.

О чем должна идти речь в новогоднем приветствии солдатам?

Я не сомневался, что Дунаевский и сам отлично знал, о чем должен говорить, но, видимо, счел нужным выслушать просителя. А проситель хотел одного, чтобы композитор рассказал о том, как он на знании лучших традиций русского песенного искусства совершает в этой области художественные открытия.

Выслушав мою тираду, Дунаевский сказал, добродушно улыбувшись: «Давайте построим текст проче. Сначала я поприветствую читателей вашей газеты с наступающим новым годом, пожелаю им всех благ и зоркого несения службы, а потом вкратце скажу, что и я постараюсь работать с прежним усердием. Согласны? Ну и добро, коль так, коль согласны. Тогда раскрывайте блокнот и записывайте...».

Во всем облике Исаака Осиповича виделся неистощимый заряд оптимизма и духовного здоровья. Диктуя, он рассказывал по комнате, лишь изредка останавливался для того, чтобы стряхнуть с папиросы пепел в самим свернутый из газетного обрывка пакетик.

Закончив диктовку, спросил, заглянув в блокнот, нельзя ли столь наспех набросанный черновичок перепечатать на машинке, чтоб приятнее было подписывать его.

— Очень хорошо, коль можно, — произнес удовлетворенно и начал облачаться во фрак, поскольку сообщили, что антракт заканчивается. — Приходите завтра в гостиницу этак... этак часов в пять, не позднее.

К пяти я не явился — опоздал. Когда вбегал в гостиницу, то в дверях едва не

столкнулся с Дунаевским, собравшимся, как сказал он потом, подышать нижегородским воздухом. Остановившись, Исаак Осипович довольно резко выразил недовольство, что моя неаккуратность сократит его прогулку.

Заметив мое смущение, Дунаевский смягчился. Подавая руку, сказал:

— Ну да ладно. Это теперь как в старинном романсе: что прошло, уж того не настанет... Показывайте, что у вас получилось.

Возвращаясь в номер он не стал, а прямо тут, в вестибюле, сел за столик, снял шапку, расстегнул пальто и стал читать вслух продиктованное накануне. Читал не торопясь, некоторые фразы повторял, видимо, прикидывал, точно ли выражена мысль. Наконец, вопросительно взглянул:

— Ну, как? Похоже, все на месте? Есть чем подписать?

И, склонившись над текстом, стремительно вывел: «И. Дунаевский». Подумав, сказал, что дагу укажет вчерашнюю, то есть когда фактически приветствие писалось. И так же стремительно пометил: «25.12.50 г.».

Я собрался было поблагодарить Дунаевского за оказанное внимание и попрощаться с ним, но он упредил меня вопросом, есть ли какие достопримечательности неподалеку от гостиницы и не смог ли бы я показать их. Зная город, в котором начиналась моя трудовая жизнь, я назвал ряд мест, особо чтимых горьковчанами.

От похода на Волжский откос московский гость отказался, а вот посетить домик Каширина, связанный с именем Горького, согласился охотно. Однако мемориальный музей оказался закрытым. «Вот же незадача», — разочарованно произнес композитор, глядя на старенький, с уютным палисадником дом. Уж очень хотелось ему ощутить атмосферу, в которой прошло детство выдающегося художника слова.

На обратном пути к Свердловке Исаак Осипович рассказал, как Горький помог спасти от запрета фильм «Веселые ребята». Кто только не нападал на эту картину...

— Если бы не Алексей Максимович, то зрители, пожалуй, так бы и не увидели эту до озорства веселую картину. Стало быть, сейчас не пелись бы и мои, сочиненные для нее песни...

Некоторое время мы шли молча. Потягивая папиросу, Дунаевский всматривался в возвышающийся на горе заснеженный кремль. Вдруг он обернулся — нас нагоняла многоголосая ватага. Хоча и звонко переговариваясь, парни и девушки буквально расплескивали свою неумную радость. Кто-то из них от избытка восторженности запел о любви, которая «нечаянно нагреет». И все дружно подхватили: «когда ее совсем не ждешь...».

Дунаевский тянет меня с тротуара, давая дорогу столь необычному хору. К нам подбегает паренек и, разминая сигарету, просит огонька. Пока прикуривал, Исаак Осипович узнал от него, что это только что успешно сдавшие зачет студенты «на радостях спешат в киношку».

Думается, в этот момент не меньший восторг испытывал и композитор. Его взгляд исходил само ликование. Еще бы — такая неожиданная встреча со своей песней!

Меня так и подтачивало крикнуть младому племени, чтоб оно остановилось и взглянуло на счастливейшего человека, ведь это же Дунаевский! Но не крикнул.

Молодежь удалится, а мы, дойдя до Свердловки, пожелаем друг другу новогодних радостей. Прощаясь, Дунаевский неожиданно предложил пойти с ним в местную консерваторию, где у него предстояла беседа с будущим пополнением мира искусства. Сославшись на занятость, я не пошел, о чем до сих пор с горечью сожалю.

Н. МАЗУРИН,